

ОТ АВТОРА БЕСТСЕЛЛЕРОВ ПО ВЕРСИИ *THE NEW YORK TIMES*

WORLD OF WARCRAFT

ЯРОСТЬ БУРИ

Л Е Г Е Н Д Ы В Л И З А Р Д

РИЧАРД А. КНААК

Ричард Кнаак

World of Warcraft. Ярость Бури

Серия «Легенды Blizzard»

Серия «Легенды Blizzard»

<https://litres.ru/54093827>

World of Warcraft: Ярость Бури:

ISBN 978-5-17-122353-3

Аннотация

<p>Множество тайн хранят Изумрудный Сон и его стражи-затворники – род зеленых драконов. Друиды, поставившие перед собой цель поддерживать хрупкий природный баланс, с давних пор погружались в Изумрудный Сон и бдительно следили за изменениями на Азероте.</p> <p>Однако не все сновидения приятны. В последнее время Изумрудный Кошмар, порча, затаившаяся в глубинах Изумрудного Сна, стал разрастаться, превращая безмятежную природу в царство невообразимого ужаса. Разум и тело зеленых драконов, попавших в сети Кошмара, необратимо изменились. А друиды, вошедшие в преобразившееся царство сновидений, обнаружили, что выбраться из него не так-то просто, а порой и вовсе невозможно!</p> <p>Но это не единственные жертвы Изумрудного Кошмара – все чаще жители Азерота ощущают на себе дыхание порчи. Не исключено, что даже сам Малфурион Ярость Бури, самый

первый и самый сильный друид Азерота, также пал жертвой этой нарастающей угрозы. В то время как неконтролируемые кошмары распространяются по всему миру, соратники верховного друида предпринимают отчаянную попытку найти и спасти его.

Очень скоро враги природы узнают истинное значение имени Ярость Бури.

Содержание

Пролог	9
1	18
2	38
3	58
Конец ознакомительного фрагмента.	68

Ричард А. Кнаак

World of Warcraft:

Ярость Бури

© 2017 MARVEL

© ООО «Издательство АСТ», 2017

© 2020 by Blizzard Entertainment, Inc. Все права защищены.

Stormrage, World of Warcraft, Diablo, StarCraft, Warcraft и Blizzard Entertainment являются товарными знаками и/или зарегистрированными товарными знаками компании Blizzard Entertainment в США и/или других странах.

Все прочие товарные знаки являются собственностью соответствующих владельцев.

*Посвящается двенадцати миллионам человек,
которые вдохнули жизнь в Азерот*

*«Я знаю только, что должен выяснить правду,
какой бы она ни была, даже если это будет стоить
мне жизни».*

Малфурион Ярость Бури, «Источник Вечности»

КАЛИМДОР

ТЕЛЬДРАССИА

ДАРНАС

АУБЕРДИН

ОСКВЕРНЕННЫЙ
ЛЕС

ГОРА
ХИДЖАЛ

ПОЛЯНА
ОРАКУЛА

ТЕНИСТАЯ
ДОЛИНА

ДАРНАС

ДЕРЕВНЯ РУТ'ТЕРАН

ТЕЛЬДРАССИА

Пролог

Кровавое дело

Тура застыла на краю гигантской скальной пропасти. Непроизвольно сжимая топор могучей рукой, молодая орчиха оглядывалась вокруг, ища способ перебраться на другую сторону, но все было тщетно. Несмотря на юный возраст, Тура, с ее четко очерченными мышцами, была опытной воительницей. Но теперь, мечась из стороны в сторону и не находя выхода, она больше напоминала испуганного ребенка с перекошенным от страха широким лицом и скривившимся ртом с острыми клыками. Тура упрямо покачала головой и что-то пробормотала, явно не желая сдаваться. Тяжелые, густые пряди темно-русых волос, обычно собранных в хвост, полностью скрыли левую половину ее лица.

На другой стороне пропасти шла ожесточенная битва, в эпицентре которой находился ее соплеменник – тот, кого Тура знала лишь по смутным детским воспоминаниям да рассказам великого вождя Тралла. Она ясно видела этого орка с седеющими волосами, жестким лицом и мощными руками. Как и она, воин был облачен в кожаный килт и портупею. Все тело орка покрывали шрамы – отметины бесчисленных битв прошлых войн. Даже теперь, со всех сторон окруженный чудовищными врагами, воин презрительно ревел, бро-

сая им вызов.

А его враги и вправду были настоящими чудовищами – демоны Пылающего Легиона, оскверненные твари, ростом превышавшие даже своего мощного противника. С ног до головы они были закованы в броню, а ядовитое желто-зеленое пламя, вырывавшееся из их тел, не уступало по яркости огню свирепой решимости в карих глазах орка. Орудяя напоенными порчей клинками и прочим отвратительным оружием, враги наносили удар за ударом, пытаясь прорвать оборону противника, но орк умело отбивался топором, равных которому не было на Азероте. И топор этот *былцеликом вырезан из дерева*.

Впрочем, нет, это описание совсем неточное. Тура вспомнила, как один шаман осмотрел обоюдоострый топор и заключил, что он *былвоплощен* с помощью могущественной магии. Ходили слухи, будто это дар самого полубога Кенария, хранителя природы и защитника леса.

Каким бы ни было происхождение этого оружия, то, что в нем заключена магия, не требовало доказательств – достаточно было взглянуть, с какой непринужденностью топор сокрушал клинки и толстую броню, словно рассекая воздух! Из смертельных ран демонов вырывалось желто-зеленое пламя Скверны, и они падали под мощными ударами один за другим.

Одинокий воин, как и всё вокруг, был окутан странным изумрудным туманом, не имевшим ничего общего с огнями

Пылающего Легиона. Тут и там можно было различить голубоватые вспышки, из-за которых происходящее казалось призрачным видением. Тура, поглощенная поисками прохода, не придавала значения этой детали.

Вдруг слева от орка и чуть позади него возникла удивительная фигура. Впрочем, Тура знала, к какой расе принадлежит этот высокий незнакомец с фиолетовой кожей. Ночной эльф. Вот только он был мало похож на представителей своего народа: голову эльфа украшали могучие ветвистые *оленьи рога*. Судя же по странному одеянию, он был друидом, одним из почитаемых хранителей природы, и явно занимал среди них высокое положение. Возможно, то был даже верховный друид.

Лицо ночного эльфа было широким, суровым и очень запоминающимся. Он носил густую зеленую бороду, а его золотистые глаза, не менее выразительные, чем рога, сверкали так ярко, что были видны даже издалека.

При виде незнакомца Тура затаила дыхание. Он же склонился к орку и что-то прошептал. Хоть ночной эльф и не был вооружен, старый воин заметно приободрился. Он сразил множество демонов, но, кажется, только теперь, заручившись поддержкой сильного союзника, поверил в победу над кровожадной толпой, подбиравшейся к ним.

Вдруг в руках ночного эльфа материализовался длинный деревянный посох. Друид воздел его высоко вверх, и конец посоха сам собой вытянулся в зловещее острие. Орк, по-

прежнему стоявший впереди и не видевший этого, как раз срубил очередному чересчур порывистому демону узкую голову, украшенную витыми рогами.

И тут ночной эльф прикоснулся заостренным концом посоха к шее воителя.

Увы, Тура заметила коварство эльфа слишком поздно. Она закричала, но расстояние было слишком большим, и слова утонули в звуках ожесточенной битвы.

Из шеи орка возник крохотный росток, похожий на сорную траву, которая могла оказаться под ногами Туры тысячу раз на дню. Вот только эта маленькая травинка стремительно увеличивалась в размерах с каждым ударом сердца.

Наконец орк почувствовал, что что-то не так. Он потянулся рукой к шее, и вокруг запястья тут же обвилились темно-зеленые листья. Пробившиеся из ростка стебли становились все длиннее и длиннее, захватывая в силки беспомощную жертву. В какой-то момент на листьях появились острые шипы, которые впивались в кожу орка и принимались высасывать из него кровь.

Двуличный ночной эльф улыбнулся и отступил подальше, любясь делом своих рук. Крови было все больше, она реками изливалась из каждого прокола.

Орк задрожал, открыл рот в немом крике и припал на одно колено. Гибкие стебли теперь оплетали все его тело, не давая пошевелиться, а из глубоких ран продолжала хлестать кровь. Ночного эльфа это, кажется, только радовало.

–*Броксигар!*– Тура выкрикнула имя орка, хоть и ясно было, что спасти его уже невозможно.

Неожиданно демоны растворились в тумане, и не осталось никого, кроме ночного эльфа, его жертвы и самой Туры. Эльф отступил еще дальше и обратил на орчиху насмешливый взгляд.

Его золотистые глаза заполнились абсолютной чернотой, превратились в безжизненные равнодушные провалы, которые как будто высасывали душу. Потом из них полезли, расползаясь по земле ужасным потоком, отвратительные насекомые – эбеновые жуки-падальщики, клопы, многоножки, тараканы и прочие гады. Из воздуха возникли силуэты деревьев и других растений, на которые сразу же набросились насекомые. Кусты, трава и даже самые высокие древесные стволы теперь были скрыты под отвратительным покрывалом из насекомых.

А потом природа стала увядать. *Весь мир* как будто корчился в агонии. Тура оказалась в извращенном, чудовищном кошмаре.

Ночной эльф засмеялся, из его рта вновь повалили насекомые...

И вдруг он исчез.

Тура снова позвала Броксигара по имени. Умиравший орк с трудом поднял голову и встретил ее взгляд. Он высвободил из гибких стеблей руку с волшебным топором и вытянул ее вперед.

Губы орка прошептали имя...

Тура резко проснулась.

Некоторое время она лежала, приходя в себя. Несмотря на то, что в лесу было вполне тепло, ее тело сотрясала дрожь. Броксигар занимал все мысли Туры, а его смерть раз за разом снилась ей в кошмарах.

Наконец орчиха не без труда встала на ноги. Небольшой костер, который она разожгла накануне, давно прогорел, оставив на память о себе лишь едва заметные струйки дыма. Отложив оружие, Тура забросала угли землей, огляделась по сторонам в поисках своих вещей. Схватив небольшой кожаный мешок, она снова подняла топор и отправилась в путь.

Все ее дни тянулись одинаково. Тура шла до тех пор, пока в ногах еще оставались силы, потом добывала себе ужин, ложилась спать, видела один и тот же кошмар, в ужасе вскакивала, понимая, что нужно торопиться, и снова брела вперед. Такая жизнь, несмотря ни на что, нравилась Туре. Хотя риск опоздать для того, кто почти не спит, минимален, он все же добавлял остроты. Кроме того, с каждым шагом она приближалась к своей цели – к отмщению за смерть кровного родича.

А еще Тура понимала, что куда сильнее ее подстегивает необходимость предотвратить катастрофу, которая затронет не только орков, но *ивесь мир!*

Воин из сна приходился сводным братом отцу Туры.

Юная орчиха помнила печальную историю о том, как Броксигар (или Брокс – так называли его близкие) сражался с демонами Пылающего Легиона. Тогда в живых остался только он. Даже в детстве Тура хорошо понимала, каким виноватым Броксигар чувствовал себя за то, что пережил своих боевых товарищей.

После этих событий великий вождь Тралл отправил ветерана на таинственное задание в компании еще одного орка. Никто из них не вернулся, но, по слухам, какой-то старый шаман нашел волшебный топор из сна и принес его Траллу. Этот же шаман рассказал, будто бы Брокс был настоящим героем и спас не только орков, но и *всех* остальных жителей Азерота. Иные болтали, что после шаман превратился то ли в огромную птицу, то ли в дракона, расправил крылья и улетел.

Тура понятия не имела, правда ли это, но, когда она выросла и доказала свою воинскую доблесть, сам Тралл вручил ей легендарный топор сородича. В конце концов, Тура была единственной родственницей Броксигара, если не считать ее дяди, Варока Саурфанга. Можно было ожидать, что топор достанется ему или его сыну. Вот только Дранош Саурфанг не так давно пал в битве, а шаман из ближнего окружения вождя видел в пророческом сне, что владеть оружием Броксигара должна именно Тура и никто другой. Никто не знал, почему, но Тралл решил прислушаться к этому совету.

Тура носила оружие сородича с честью и считала, что до-

сталось оно ей по иронии судьбы, не иначе. Ведь еще относительно недавно орки, поддавшиеся влиянию крови демона Маннорота, вторглись под предводительством легендарного Громмаша Адского Крика в Ясеновый лес и убили Кенария. Прошло время, и Тралл научил свой народ уважать природу. Печальная история, но Тура не имела к ней никакого отношения, а потому с присущей оркам практичностью рассудила, что дух Кенария не возмутил бы новый владелец его подарка.

Когда она первый раз взяла топор в руки, то почувствовала, что это *правильно*. Однако волшебное оружие принесло с собой и кое-что другое. Проявилось это совсем не сразу. Страшная тайна открылась позже, да и то первое время Тура не придавала ей значения. В конце концов, это всего лишь сон.

Или же нет...

Чтобы узнать истину, Туре не нужна была помощь шаманов. И так ясно, что к ней обращался жаждавший мести дух погибшего родственника. Сон был правдив, в этом она уверена. Тура узнала, как именно умер Броксигар – преданный ночным эльфом, которого считал товарищем! Сама не зная, почему, юная орчиха была уверена, что этот эльф еще жив и что его можно отыскать. Нужно лишь правильно истолковать сон. После пробуждения Тура чувствовала, в каком направлении нужно идти, где именно скрывается предатель, обрвавший жизнь отважного Броксигара.

Во сне ей явилось имя, которое звенело в ушах, наполняло мысли, хоть Тура ни разу и не слышала, как Броксигар произносил его при жизни.

Малфурион Ярость Бури. Малфурион Ярость Бури...

Тура вскинула топор, некогда принадлежавший великому герою, и в очередной раз дала клятву своему погибшему дяде. Она найдет Малфуриона Ярость Бури, где бы он ни был и с чем бы не пришлось столкнуться в пути.

И когда это случится, топор Брокса станет орудием заслуженного возмездия, а сама Тура, возможно, сумеет спасти Азерот... пока не стало слишком поздно.

1

Тельдрассил

Еще ни разу с момента падения Зин-Азшари блестящую верховную жрицу Элуну не посещало столь дурное предчувствие.

Потрясенная до глубины души, Тиранда Шелест Ветра попыталась найти успокоение в медитации. Город Дарнас, новая столица ночных эльфов, был построен, чтобы почтить подвиг народа, и не имел никакого отношения к его безумной королеве. Конечно, он был меньше Зин-Азшари, но по своему не менее впечатляющ, и не в последнюю очередь из-за того, что располагался прямо в корнях Тельдрассила. Это Мировое Древо было столь огромным и могучим, что ночным эльфам не составило труда разместить внутри него поистине впечатляющие сооружения. Например, храм Луны, построенный из камня, который доставили с материка и перенесли внутрь ствола с помощью магии. В густой листве Тельдрассила скрывалось множество поселений. Дарнас был удивителен еще и тем, что значительно превосходил их своим масштабом.

За все это стоило поблагодарить друидов, которые терпеливо вырастили Мировое Древо.

Но думать о них Тиранда хотела меньше всего, ведь эти

мысли едва ли подарят ей покой. Конечно, жрица безмерно уважала друидов, ведь природа всегда была неотъемлемой частью жизни ночных эльфов. Однако даже поверхностные размышления о них неизбежно пробуждали страхи и волнения, касающиеся ее друга детства и возлюбленного – Малфуриона Ярости Бури.

Мягкий свет богини луны, струившийся в просторный центральный зал храма, проходил сквозь круглый купол из витражного стекла, менял цвет с серебристого на нежно-фиолетовый, а затем, как по волшебству, снова возвращал первоначальный оттенок, омывая сверкающий пруд со статуей Эйден, первой верховной жрицы, которая, будучи ребенком, услышала божественный голос Элуны. Тиранда, по обыкновению, устроилась, скрестив ноги, на массивных каменных ступенях у пруда, прямо перед простертыми вверх руками Эйден. Она отчаянно молила и свою предшественницу, и богиню о покое и мудром наставлении, мечтая избавиться от нарастающей тревоги. Хотя жрицы и послушницы часто приходили в главный зал храма, чтобы обрести покой и помолиться, сегодня здесь никого не было.

Тиранда закрыла глаза, безуспешно пытаясь не думать о Малфурионе. Их долгая и печальная история началась во времена Войны Древних. Тогда Тиранда, Малфурион и его брат-близнец Иллидан оставили позади беззаботную юность, превратившись в опытных воителей. Тиранда до сих пор остро переживала предательство Иллидана и свое зато-

чение во дворце Азшары. Верховную жрицу время от времени посещали воспоминания о том, как слуги королевы во главе с мерзким предателем Ксавием, превращенным в демонического сатира, схватили ее и перенесли в Зин-Азшари. Впрочем, помнить она этого не могла, ведь в тот момент потеряла сознание и узнала всю историю лишь позже. Ярким было и воспоминание о том, как под конец сражения она едва не потеряла своего возлюбленного Малфуриона, который сумел изгнать демонов из Азерота. На последнем издыхании могучий друид спас Тиранду от верной гибели.

И все же больше всего было вспоминать о том, как после войны они с Малфурионом строили планы на будущее. Опасность миновала, мир больше не требовал самопожертвований, и влюбленные наконец-то могли начать совместную жизнь.

Однако, к разочарованию Тиранды, их с Малфурионом вновь разлучил долг. Ее возлюбленный посвящал все свое время обучению друидов, ведь им, ревнителям природы, предстояло исцелить бесчисленные раны Азерота. А после Малфурион сделал трудный выбор и вновь оставил свою избранницу, предпочтя тихой семейной жизни блуждание по просторам Изумрудного Сна. Порой Тиранда задумывалась, любил ли он ее на самом деле.

Сама она, хоть и против воли, стала верховной жрицей Элуну, а потом под давлением обстоятельств и вовсе приняла на себя обязанности правительницы ночных эльфов. Ти-

ранде удалось привнести значительные изменения в жизнь своего народа. Так, она отменила порочную традицию назначать офицеров в зависимости от происхождения и создала отряды Часовых, чьи командиры получали высокие должности по заслугам. Тиранда не хотела быть лидером, но и отказаться от этой роли не могла, поскольку искренне любила свой народ.

«Мать-Луна, даруй мне покой!» – взмолилась верховная жрица.

Несмотря на возраст, исчислявшийся тысячелетиями, Тиранда выглядела едва ли старше, чем в тот день, когда приняла бразды правления. Ее голову все так же, словно корона, украшали струившиеся по плечам густые темно-зеленые волосы с едва заметными серебристыми прядями, которые появились еще в юности. Лицо оставалось юным, даже несмотря на мелкие морщинки в уголках серебристых глаз. Иные живые существа приобретают такие через шесть или семь лет с момента вступления в зрелость, но никак не за десять тысячелетий.

И все же многовековые заботы правительницы оставили свой след, а потому время от времени верховная жрица искала успокоения в храме. Запросы Тиранды были скромны – она лишь иногда вымаливала у своей богини час отдыха. Здесь, в свете Матери-Луны, жрица всегда обретала долгожданный покой и забывала о бедах. И все же сегодня ей никак не удавалось унять тревогу. Тиранда прекрасно понима-

ла, в чем дело. Она сильнее сосредоточилась и...

...удивленно выдохнула. Мягкий свет луны внезапно стал ярким, ослепительным и впервые в жизни причинял боль глазам.

Мир вокруг стремительно менялся. Из тишины пустого храма Тиранда переместилась в какую-то темную пещеру с земляными стенами и сразу поняла, что это обитель друидов. Очертания подземного зала проступали постепенно, словно кто-то невидимый зажигал огни. Тиранда разглядела мешочки с травами, перья, зубы и прочие объекты, собранные с тел бесчисленных животных Азерота. В глаза ей бросились и символы. Некоторые казались знакомыми, смысл других ускользал.

По телу Тиранды побежали мурашки. Она прекрасно понимала, что это за обитель, но боялась признаться в этом даже самой себе.

Вдруг из тьмы выступила еще одна жрица Элуны. Тиранда узнала ее юное лицо с тонкими чертами и сразу вспомнила имя – Меренда. Она была моложе верховной жрицы, но уже успела снискать уважение среди последовательниц Матери-Луны.

Следом за Мерендой появилась вторая жрица, которую Тиранда тоже помнила, а потом еще одна. Казалось, ночные эльфийки были чем-то опечалены и шли, низко склонив головы. Все трое носили одинаковые простые одеяния серебристого цвета с капюшонами. Неудивительно, ведь, в отли-

чие от прочих служительниц храма, они проводили большую часть времени среди друидов. Лишнее подтверждение тому, что это и в самом деле подземная обитель, дом верховного служителя природы.

Тиранда против воли проследила направление обеспокоенных взглядов трех жриц. На ложе, сплетенном из травы, омытом серебристым светом Элуны, покоилось неподвижное тело. Сердце Тиранды невольно забилося сильнее, хоть ей давно полагалось привыкнуть к этому зрелищу.

Даже в состоянии покоя гордое лицо казалось серьезным. Время и печали оставили на нем куда больше следов, чем на коже самой Тиранды. Длинные зеленые волосы друида, расчесанные заботливыми руками жриц, покоились на груди, сплетаясь с густой бородой. Широкие изогнутые брови придавали лицу задумчивое и суровое выражение.

Он, хоть и не по собственной воле, был одет гораздо богаче своих собратьев: массивные наплечники с выступающими шипами, наручи и поножи приличествовали высокому положению среди друидов. Все части доспехов были вырезаны из дерева (увядшего, конечно же, ведь иначе это было бы неуважением к природе), но при этом, будучи изготовленными при помощи магии, служили гораздо дольше, чем металлическая броня, и отличались невероятной прочностью. Тело друида до самых обутых в сандалии ступней прикрывала длинная мантия без рукавов с узорами из листьев по бокам и синей полосой с полумесяцами по подолу – то была дань

уважения богине Элуне.

Малфурион Ярость Бури, верховный друид, лежал совершенно неподвижно, и в его золотистых глазах застыло отсутствующее выражение.

Тиранда не могла оторвать взгляд от своего возлюбленного. Ее ноги внезапно ослабели. Как кто-то столь яркий и полный энергии мог выглядеть таким безжизненным, потерянным? Тиранда слабо улыбнулась при мысли о том, что даже сейчас Малфурион казался величественным. Была в его благородной внешности деталь, которая сразу же привлекала внимание – могучие *рога* высотой более чем полметра, выставлявшие из лба и тянувшиеся вверх. Дар самого Кенария. Среди друидов было мало тех, кто удостоился благословения самого полубога-кентавра, и, без сомнения, самый могущественный из них покоился в этой пещере.

Тиранда совсем не удивилась, когда у Малфуриона стали расти рога. Они казались лишь подтверждением великой силы, которая всегда в нем ощущалась.

– Малфурион, – прошептала Тиранда, хоть и знала, что возлюбленный этого не услышит. – О, мой Малфурион! Почему же ты снова меня покинул?

Она внимательно наблюдала за тем, как жрицы, встав на колени, прикоснулись ко лбу и груди верховного друида. Тиранда сама некоторое время назад приказала им проводить этот ритуал, ведь только благодаря дару Матери-Луны Малфурион Ярость Бури был по-прежнему жив. Жрицы изо дня

в день поддерживали силы друида, тщетно надеясь, что однажды он пробудится и душа, затерянная в глубинах *Изумрудного Сна*, вернется в тело.

Больше всего на свете Тиранде хотелось покинуть обитель. Зачем Элуна терзала ее такими видениями? Они приносили с собой лишь тревогу и болезненные воспоминания. Тиранда не могла смотреть на Малфуриона, понимая, что, возможно, он потерян для нее навсегда.

Жрицы понуро отступили. Изодня в день они ухаживали за верховным друидом и прекрасно знали свои обязанности.

Вдруг кожа Малфуриона потемнела.

Три ночных эльфийки как будто ничего не заметили. Тиранда же бросилась к верховному друиду, пройдя сквозь жриц, словно они были сотканы из бесплотного тумана. Ее волновала только странная и пугающая перемена, произошедшая с Малфурионом.

Не в силах даже прикоснуться к возлюбленному, Тиранда могла лишь беспомощно наблюдать за его чудовищным преобразованием. Кожа верховного друида потемнела и теперь больше напоминала древесную кору. Руки и ноги превратились в подобие ветвей. Волосы и борода скрылись под слоем черной листвы с зазубренными краями, медленно качавшейся, как будто от ветра, неизвестно откуда взявшегося в подземной обители.

Золотистые глаза Малфуриона посветлели и засеребрились, как когда-то давно, в юности, а после глубоко запали,

превратившись в черные безжизненные провалы.

Внимание Тиранды, хоть она и сама не сразу поняла, почему, привлекло покачивание листьев. Было что-то знакомое в их ритмичных движениях. А потом жрица различила едва слышный пульсирующий звук, который постепенно нарастал, отдаваясь в ушах.

Биение сердца!

Тиранда нервно огляделась по сторонам, но, похоже, остальные ничего не слышали. Звук, между тем, делался все громче, набирая силу. Наконец он стал оглушительным, листья затрепетали сильнее, а потом...

Потом все стало затихать. Сначала перемену было трудно заметить, но с каждым мгновением ритм становился все медленнее, и ветер, шелестевший листьями, как будто начал исчезать.

Невидимое сердце, казалось, готово было остановиться!

Тиранда в ужасе протянула руку к Малфуриону и...

Обитель друидов растворилась в воздухе. Верховная жрица оказалась в полной темноте и тишине.

Тиранда поняла, что крепко зажмурилась. Она выдохнула, открыла глаза и заморгала, привыкая к свету Элуны. Вокруг проступали очертания храма и величественной статуи Эйден. Все оставалось неизменным, и Тиранда осознала, что на самом деле отвлеклась лишь на долю секунды.

Однако меньше всего ее беспокоило собственное самочувствие. Видение – вот что важно! За прошедшие века бо-

гиня Элуна лишь несколько раз даровала жрице подобные грезы, и к каждой из них следовало прислушаться. Но никогда еще они не несли столь тревожных вестей.

Теперь стало ясно, что Малфурион, несмотря на все старания жриц и верных последователей, стремительно угасал.

Буревестник приблизился к острову и с силой взмахнул широкими крыльями. Коричневые перья этой могучей птицы отливали на концах серебристо-серым, голову венчал округлый гребень все того же серебристого оттенка, по бокам украшенный двумя хохолками. Буревестник выглядел крупнее своих собратьев и при этом казался мудрым, взирая на мир с высоты своих почтенных лет. Внимательные глаза птицы оттенка серебра подмечали каждую деталь.

Несмотря на густой туман, буревестник с легкостью ориентировался в ночном небе. Он явно летал в этих местах не первый раз. Вдалеке над морем мелькнула вспышка молнии, и буревестник обратил зоркие глаза вниз, выискивая очертания острова.

Порыв ледяного ветра налетел неожиданно, будто пытается отогнать одинокого путешественника, предупредить, что продолжать путь неразумно. Но буревестник не сбился с курса и полетел дальше, сражаясь с самой природой. Он стремительно приближался к своей цели.

Вдруг туман рассеялся, словно чья-то невидимая рука раздвинула тяжелый занавес, и в поле зрения наконец-то по-

явились остров и главная достопримечательность, в честь которой он получил свое название. Пожалуй, издалека путник, видевший это место впервые, мог бы подумать, будто перед ним какая-то огромная величественная скала с удивительно прямыми склонами и вершиной, терявшейся среди облаков. Однако в светлое время суток и в погоду куда более ясную, чем та, которую застал буревестник, легко было понять, что это вовсе не гора и даже не сооружение, построенное руками живых существ, а нечто еще более удивительное – гигантское *древо*.

Оно занимало большую часть и без того довольно обширного острова, а в его корнях расположилась портовая деревня, которую ночные эльфы называли Рут’теран. Таким образом, остров был лишь домом для невообразимого гиганта, в честь которого и был назван. Домом Тельдрассила, второго Мирового Древа.

Десять тысяч лет назад ночные эльфы, утратившие Источник Вечности, главное сосредоточение своей силы, вырастили на горе Хиджал первое Мировое Древо, Нордрассил. Оно служило двум целям – скрывало под собой новый Источник Вечности, созданный благодаря хитрости Иллидана Ярости Бури, и в то же время ограничивало его мощь. Так, чужаки не смогли бы воспользоваться разрушительной магией Источника и обратить ее во вред. Нордрассил благословили три драконьих Аспекта – Хранительница Жизни Алехтраза, Ноздорму Безвременный и Изера, Королева Сновиде-

ний. Огромное дерево не просто уберегало Азерот от многочисленных опасностей, но и превратилось в источник силы и бессмертия для всего народа ночных эльфов.

Нордрассил процветал много веков, но меньше десятилетия назад все изменилось. Пылающий Легион, способствовавший уничтожению Источника Вечности, вновь вторгся на Азерот, и началась кровопролитная война. По иронии судьбы, демоны, которые вынудили ночных эльфов посадить на горе Хиджал росток Мирового Древа, едва его не уничтожили. С ослаблением Мирового Древа ночные эльфы потеряли свою легендарную силу и, что хуже всего, лишились *бессмертия!* Корни Нордрассила медленно восстанавливались, но утрату это не восполнило.

Решение нашел Фэндрал Олений Шлем, который склонил друидов на свою сторону и, вопреки опасениям, вырастил второе Мировое Древо, Тельдрассил.

Буревестник, приблизившись к дереву, набрал скорость. Хоть Тельдрассил уступал Нордрассилу в великолепии, никто не решился бы отрицать, что новое Мировое Древо было настоящим чудом природы, рожденным благодаря мастерству друидов, овладевших магией Азерота. Ствол Тельдрассила был обширнее иных земель. Однако его великолепие затмевала густая зеленая крона, раскинувшаяся, казалось, вдоль всего горизонта.

Буревестник, что-то заметив, чуть склонил голову набок и пригляделся повнимательнее. В просветах между могучи-

ми ветвями древа мелькали каменные строения и виднелись верхушки зданий.

Буревестник пролетел дальше над небольшими поселениями. Сквозь листву на мгновение сверкнуло озеро. Сколько чудес таилось меж гигантских, искривленных ветвей Тельдрассила! Впереди виднелась вершина горы.

Буревестник поднялся к верхним ветвям древа и подлетел к очередному чудесному творению. Казалось, что это место озаряется не только обычными факелами, но и частицами лунного света.

Внизу раскинулся удивительный Дарнас, столица ночных эльфов. Даже издалека было ясно, что он не уступает столь легендарным местам, как населенный людьми Штурмград или город орков Оргриммар.

Мировое Древо питало своими соками реки, ручейки и озера, серебрившиеся в его могучих ветвях. Одно из озер было столь обширным, что из его вод поднимался сам город Дарнас. По задумке ночных эльфов, живительная влага наполняла великолепные Храмовые Сады и живописные каналы. Дальше на севере, на другом берегу, в тени деревьев раскинулся Анклав Кенария – святилище, построенное друидами. Однако буревестник направился в другую сторону, миновав и Дарнас, и другие поселения, скрытые в густой листве Мирового Древа. Тельдрассил был прекрасен, но птица направлялась совершенно в другое место.

Огромный буревестник резко пикировал и, повинуясь ин-

стинктам, буквально в десяти метрах от земли развернул крылья, чтобы замедлить падение. Затем он выпустил массивные когти и выбрал место, чтобы приземлиться.

Но, не успев коснуться твердой поверхности, буревестник внезапно увеличился в размерах и в считанные секунды стал выше любого человека. Лапы с когтями увеличились в размерах, удлинились, а затем превратились в ноги, обутые в сандалии. Крылья вытянулись, и на их концах выросли пальцы. Перья на голове сменились густыми зелеными волосами, туго стянутыми на макушке, и длинной бородой, ниспадавшей на укрытую плащом грудь.

Птичьи черты преобразились до неузнаваемости – клюв стал носом и широким ртом с сурово сжатыми губами. Черное оперение исчезло, и под ним обнаружилась темно-фиолетовая кожа, столь характерная для обитателей здешних мест.

Бролл Медвежья Шкура, сбросивший облик буревестника, был ночным эльфом, в котором любой узнал бы друида. Однако по могучему телосложению он гораздо больше напоминал воина. Тяготы и бесчисленные трудности не прошли бесследно, но собратья-друиды по-прежнему принимали его за своего.

Бролл огляделся по сторонам. Друидов не было видно, но он, тем не менее, ощущал, что они где-то поблизости. Что ж, это даже хорошо. Прежде чем присоединиться к собратьям, Броллу хотелось немного побыть наедине с самим собой.

Мысли буквально роились у него в голове, и большинство из них касалось шан'до, мудрого учителя. Каждый раз, возвращаясь в Тельдрассил, Бролл размышлял, что без шан'до он ни за что не стал бы тем, кем являлся сейчас, пусть и друидом этот могучий ночной эльф считал себя никудышным. На самом деле, все они, даже Фэндрал, прибыли сюда на срочный совет исключительно ради учителя, легендарного Малфуриона Ярости Бури.

Малфурион был не просто лидером, но и первым из смертных друидов Азерота, обучавшимся у самого полубога Кенария. Тысячелетия назад хранитель леса оценил уникальные качества юного ночного эльфа – особую связь с окружающим миром – и развил его таланты. Но, даже не успев завершить обучение, Малфурион стал одним из главных участников первой кровопролитной войны с демонами и предателями своего народа, в числе которых оказалась сама королева ночных эльфов Азшара и ее подлый советник Ксавий. Многие полагали, что именно Малфурион помог спасти Азерот от уничтожения.

Вот уже много поколений легенды о его подвигах передавались из уст в уста. Сколько раз Малфурион жертвовал собой, теряя целые столетия жизни ради спасения мира и своего народа. Он преуспевал там, где прочие терпели поражение, и принимал каждую битву близко к сердцу. В конце концов, Малфурион стал не только защитником природы, но и непревзойденным воином.

Как только надежда на то, что в Азероте воцарится мир, окрепла, верховный друид собрал своих последователей и попытался вернуть их к изначальному пути. Прошлое осталось в прошлом, а будущее представлялось волшебной тайной, которую еще предстоит раскрыть, действуя методично и размеренно. Малфурион повторял, что потеря бессмертия пойдет на пользу ночным эльфам, и они наконец-то станут частью жизни, кипящей на Азероте, прекратив быть пассивными наблюдателями.

– Малфурион... – пробормотал Бролл Медвежья Шкура.

Шан'до изменил жизнь Бролла, как никто другой, изменил в буквальном смысле. Друид был многим обязан Малфуриону и все же наравне с остальными был бессилён убеждать учителя от страшной судьбы.

Бролл моргнул, возвращаясь в настоящее. Он ощутил чье-то присутствие и догадался, кто это, даже до того, как успел повернуться. Даже запах у вновь прибывшего был особенным.

– Да благословит тебя лес, Бролл Медвежья Шкура, – прогрохотал он. – Я сразу понял, что ты рядом, и надеялся с тобой увидеться!

– Верховный друид Хамуул Рунический Тотем, быстро же ты добрался сюда из Громового Утеса! – ответил Бролл.

Встреча оказалась неожиданной, но очень приятной.

Облик Бролла сразу выдавал в нем друида, чего нельзя было сказать о Хамууле Руническом Тотеме. Он был шире в

плечах и крупнее своего друга, лишь отдаленно напоминая ночных эльфов или людей. В отличие от остальных друидов, он носил свободные одежды своего племени – кожаное наплечье, соединявшееся двумя длинными красными ремнями с красным же килтом, – запястья украшали красные, золотистые и синие полосы.

Однако сильнее всего Хамуула отличало от Бролла и прочих ночных эльфов то, что сам он был *тауреном*. Его ноги заканчивались мощными раздвоенными копытами, а голова, как и у всех представителей этого народа, напоминала бычью. Впрочем, вслух о таком лучше не говорить – слишком велик риск для жизни. В носу Хамуул носил церемониальное кольцо, а голову его венчали искривленные и выдающиеся вперед рога.

Рост друида, хоть он, как все таурены, слегка горбился, был больше двух метров, а в тонкой серо-коричневой шерсти виднелась седина. Бролл припомнил, что в их первую встречу она не так сильно бросалась в глаза. Хамуул заплетал волосы (тоже седеющие) в две толстых косы длиной до груди. Друидом он стал довольно поздно и не без участия Малфуриона Ярости Бури. Хамуул – первый таурен-друид почти за двадцать поколений, и, хотя теперь многие из его народа пополнили ряды защитников природы, едва ли кто-то мог сравниться с ним в мастерстве.

– Мое путешествие было спокойным. Это даже странно, – заметил Хамуул. Он прищурил светло-зеленые глаза под

густыми бровями так, словно хотел что-то добавить, но не решался.

Бролл кивнул, вскользь подумав о том, как его примут остальные друиды. С самого детства на Бролла возлагали огромные ожидания, а все из-за одного-единственного сходства с Малфурионом, сходства, которое всегда было для Бролла символом его неудачи.

Рога, выраставшие из его висков, гордо выдавались вверх на полметра. Конечно, они никогда не сравнились бы с главным отличительным признаком верховного друида, и все же неизменно привлекали внимание. Рога появились у Бролла в раннем детстве и, хоть были тогда совсем крохотными, казались окружающим знаком будущего величия. Уже тогда юному эльфу без устали твердили, что однажды о его подвигах будут слагать легенды.

Но, хоть все вокруг и считали злосчастные рога великим даром, сам Бролл расценивал их исключительно как проклятье и до сих пор был убежден, что жизнь лишь доказала его правоту.

Какая же польза от этих рогов, раз они ничем не смогли помочь в самое страшное, решающее мгновение – когда Бролл пытался отразить чудовищный натиск демонов и оживших мертвецов, повиновавшихся зловещему властителю преисподней Азгалору? Да, он был прав – злосчастные рога не принесли ничего, кроме разочарования. Сила Бролла тогда возросла многократно благодаря идолу Ремула. Друид

пожертвовал собой и безжалостно убивал врагов, давая возможность товарищам объединиться с основным войском.

Но и с этой задачей он не справился. Силы подвели Бролла, и Азгалор, умелый воитель, наконец пробил его защиту оскверненным клинком, носившим имя Злоба. Острый конец меча вонзился в идол Ремула, и Бролл утратил над ним контроль. Артефакт тут же подвергся влиянию Скверны, а вся его мощь обратилась против последней защитницы, сражавшейся на стороне Бролла...

Друид множество раз, и особенно после того ужасного случая, собирался избавиться от рогов и даже сжечь самые их корни, чтобы те не выросли снова, однако ни разу так на это и не решился.

Вдруг Бролл осознал, что Хамуул все это время терпеливо молчал и внимательного его разглядывал.

– Она всегда будет рядом. Знай, духи погибших близких присматривают за нами, – пророкотал таурен.

– Я думал о другом, не об Анессе, – ответил ночной эльф, но это было ложью.

Хамуул дернул ушами.

– Тогда прими мои глубочайшие извинения за то, что упомянул о ней.

Бролл только отмахнулся.

– Ничего страшного, – пробормотал он. – Идем, остальные уже наверняка собираются у портала, как того требует обычай.

– Но ведь собрание будет проходить не в Анклаве Кенария, – нахмурился Хамуул. – Фэндрал выбрал другое место и настоял, чтобы все собирались на совет прямо вон там, на другой стороне. Ты разве не знал?

– Нет, – покачал головой Бролл. Он не собирался оспаривать решения верховного друида.

В конце концов, их глава Фэндрал Олений Шлем всегда желал защитникам природы только добра. Если он решил, что им следует собраться вдали от Дарнаса, значит, так тому и быть. Наверняка ведь есть веская причина, по которой...

И вдруг Бролл все понял. Возможно, Фэндрал нашел способ спасти шан'до!

– Идем, – сказал он. Теперь ему не терпелось поскорее добраться до места.

Надежда, зарождавшаяся каждый раз, когда Бролл Медвежья Шкура посещал Тельдрассил, окрепла, ведь, возможно, Фэндралу действительно удалось выяснить, как уберечь Малфуриона от беды.

А если нет... Ночной эльф содрогался от одной мысли о том, что ждет друидов (и ждет ли вообще хоть что-то) без их мудрого учителя.

2

Совет друидов

Картограф Лукан Фоксблад не спал уже много дней. То был не только его личный выбор, но и суровая необходимость. Лукан изо всех сил старался свести к минимуму и без того непродолжительные мгновения отдыха, ведь любая остановка в бесконечном путешествии была связана с риском провалиться в сон. Порой из-за этого светловолосый картограф не мог сделать ни шагу – ноги подгибались, и он падал на землю, буквально теряя сознание.

А уж эти кошмары... Кошмары, которые теперь мучили многих жителей мест, где Лукан побывал, – от Златоземья и Западного Края до его родного Штормграда.

Внешне Лукан, которому было чуть за тридцать, напоминал отставного солдата, хотя на самом деле никогда не участвовал в сражениях. Вот только теперь он выглядел так, словно оказался в самом эпицентре войны. Одежда Лукана, некогда темно-коричневая, приобрела грязный оттенок, тончайшая вышивка на плечах туники и по бокам штанов изрядно обтрепалась, а кожаные сапоги покрылись пятнами и трескались.

Сам картограф выглядел немногим лучше. Тяготы путешествия не лучшим образом отразились на благородной

внешности – из-за чрезвычайной бледности и неопрятной бороды, нестриженной много дней, Лукан напоминал медленно разлагающегося мертвеца из армии Плети, и лишь покошачьи зеленые глаза свидетельствовали о том, что их обладатель еще жив.

За время тяжелых скитаний картограф потерял инструменты и даже рюкзак, в котором хранились все его скудные припасы, включая одеяло. Лукан не мог припомнить название последней деревни, где нашел приют. Он давно позабыл, какой была жизнь до всех этих тревожных снов, а иногда даже сомневался, реальны ли эти воспоминания или же рождены кошмарами.

Местность, по которой путешествовал картограф, заросла густыми лесами, но его это мало волновало. В нынешнем состоянии он едва ли заметил бы даже алмазные горы. Лукан Фоксблад знал только одно – нужно идти вперед, чего бы это ни стоило.

Он моргнул впервые за несколько минут, и пейзаж тут же изменился до неузнаваемости.

Все вокруг пестрело изумрудно-зеленым с легкими оттенками нежно-голубого. Густой туман укутывал пошатывающегося картографа, словно толстое одеяло. Оповестительные знаки, на которые можно было ориентироваться, исчезли, и мир теперь больше напоминал незавершенный набросок художника. Но Лукан, не замечая удивительных перемен, брел вперед.

Он снова моргнул, и цветовая гамма сменилась на более привычную, вот только место теперь было другим, совсем не похожим на густой лес, по которому картограф бродил прежде. Да, здесь тоже росли деревья, а вот поселения, видневшегося теперь вдалеке, раньше не было. Воздух пах морем, но Лукан обратил на это не больше внимания, чем на мрачную тень, поглотившую окрестности. Он прошел мимо каменного указателя, надпись на котором прочитать бы все равно не смог. Однако эту надпись отлично понял бы ночной эльф: увидев ее, он узнал бы, что приближается к Аубердину.

Друиды брели к месту собрания, о котором сообщил Хамуул, низко опустив головы и сражаясь с холодным, пронизывающим ветром, словно с беспощадным врагом. Хамуул всю дорогу молчал и лишь однажды что-то раздраженно проворчал, как будто разделяя растущее в душе Бролла беспокойство.

Шелест листьев внезапно стал еще громче. Бролл с любопытством взглянул вверх и пораженно замер, в ужасе распахнув глаза.

Тельдрассил изменился до неузнаваемости! На могучих ветвях Мирового Древа по-прежнему было много листьев, вот только некоторые из них высохли и сморщились, другие почернели и свернулись в трубочку, а те, что сохранили свой естественный зеленый цвет, покрылись острыми шипами.

Откуда-то издалека Бролл слышал голос Хамуула, но не

мог оторвать взгляда от листвы, продолжавшей скручиваться и чернеть. Он заметил, что и плоды дерева тоже стали меняться. С узловатых ветвей свисали круглые, неестественно бледные ягоды размером с его голову и даже больше. От них исходило зловоние гнили. Даже в страшный голод друиды и ночные эльфы ни за что не решились бы употребить такое в пищу!

Чудовищное преобразование затронуло все дерево. Кора Тельдрассила во многих местах потрескалась, и в трещинах виднелись пульсирующие вены, по которым тек черный сок – сперва тонкой струйкой, а потом неудержимым потоком. Над Мировым Древом летали крошечные насекомые, из ствола выползали бесчисленные многоножки и прочие гады. Ясно было, что изнутри влияние порчи еще более чудовищно.

– Нет, – пробормотал Бролл. – Нет...

От Тельдрассила распространялась тьма, поглощая мир вокруг. Ночному эльфу даже не потребовалось оборачиваться, чтобы понять: тьма проникла далеко за пределы острова и уже добралась до материка, заражая порчей другие земли.

Вдруг послышался звук начинающегося ливня. Бролл оторвал взгляд от оскверненного ствола и пригляделся к кроне дерева.

То, что он принял за стук дождевых капель, оказалось громким шелестом листьев. Ветви Тельдрассила раскачивались с такой силой, словно пытались избавиться от зловещей

листвы. И у них получалось: тысячи гниющих листьев падали на землю. Это действительно можно было назвать ливнем, только без воды.

Листья преобразались прямо в воздухе, превращаясь в крохотных черных и изумрудных созданий, отдаленно напоминавших ночных эльфов, но с лапами зверей и спинами сторбленными, как у тауренов. Они не до конца оформились и пока выглядели лишь как жуткие силуэты без ясных черт, но уже теперь видно было, что небольшие головы этих фигур венчали изогнутые рога. С раздражающим шипением гадкие создания нескончаемым потоком устремились к двум друидам...

– Бролл Медвежья Шкура! Ты в порядке?

От неожиданности ночной эльф даже пошатнулся, а когда успокоился и открыл глаза, сразу понял, что Мировое Древо теперь выглядит вполне привычно, как прежде. Ветви были неподвижны, листья на них сверкали зеленью.

Хамуул, явно обеспокоенный, подошел ближе. Бролл запоздало кивнул в ответ. Вдруг раздался звук рога, избавивший ночного эльфа от мучительных попыток осознать и объяснить только что увиденное.

– Пора идти, – поторопил Бролл. – Совет вот-вот начнется.

Таурен удивленно моргнул и отправился следом. Через несколько мгновений они добрались до места, где Фэндрал должен был провести совет.

Здесь уже собралось гораздо больше друидов, чем в прошлые разы, а новые участники все продолжали прибывать. Внимание Бролла привлекли двое – молодая эльфийка мрачного вида, беседовавшая с эльфом, который хоть и держался уверенно, прямо-таки излучая мощь, но все же постоянно сжимал руки в кулаки, как будто из-за чего-то нервничал. Элерет Дикая Лань и Наралекс делили общие невзгоды, пусть и по разным причинам. Во время последней войны между Альянсом и Ордой Элерет отчаянно пыталась спасти флору и фауну Альтеракской долины, однако ей так и не удалось предотвратить кошмар, спровоцированный не только двумя враждующими армиями, но и действиями орка-шамана. Как только война закончилась, Элерет поклялась восстановить природу долины. С тех пор прошло несколько лет, но ее попытки так и не увенчались успехом.

Наралекс же попытался возродить жизнь на давно высохшей земле и в итоге стал жертвой собственного честолюбия. Этот ночной эльф вместе с небольшой группой единомышленников отправился в опустошенные Степи. Там он сотворил хитроумное заклинание, с помощью которого сумел извлечь глубоко из-под земли воду и создать на сухой почве несколько небольших оазисов. Но затем некая злая сила взяла под контроль не только его творения, но и самого Наралекса вместе с несколькими последователями. Оказавшись в ловушке, друиды поддались *порче* и стали искаженными, жестокими созданиями, которые жаждали распространить

тью. Наралекс же долгое время балансировал между безумием и реальностью и был обязан своим спасением неожиданно подоспевшим героям.

К сожалению, даже восстановив свой разум, он так и не разобрался, что именно поработило его самого и других друидов. В Степях теперь все было спокойно, но Фэндрал запретил Наралексу и остальным друидам возвращаться в это место. Верховный друид не видел смысла рисковать жизнями и тратить силы ради восстановления места, которое превратилось в пустыню во время Великого Раскола, последовавшего за Войной Древних. Фэндрал полагал, что даже такие места нужны на Азероте.

Прибытие Бролла и Хамуула не осталось незамеченным, и вскоре взгляды Элерет, Наралекса и нескольких других обратились к ним. Бролл ощутил новый прилив стыда. Чем ближе друид к природе, чем отчетливее слышит ее зов, тем выше вероятность, что его глаза приобретут золотистый оттенок, символизирующий жизненную силу Азерота. Этим даром были отмечены все великие друиды.

Однако глаза Бролла Медвежьей Шкуры так и оставались серебристыми с едва заметным голубым отблеском, и это лишний раз напоминало о его неудачах.

Бролл подавил горечь и направился было к Элерет и Наралексу, но тут рог затрубил во второй раз. Все собравшиеся одновременно развернулись к источнику звука. Друид с зеленой повязкой на левом запястье опустил козий рог и раз-

вернулся к Тельдрассилу.

Неровная кора в том месте, на которое он смотрел, вдруг подернулась рябью. Бролл содрогнулся, вспомнив свое жуткое видение. Затем в стволе появилась расселина, в которую с легкостью смог бы пройти ночной эльф. Вот только теперь она служила скорее выходом.

Из глубины дерева появился Фэндрал Олений Шлем и с достоинством истинного лидера прошествовал сквозь ряды своих последователей. Все почтительно склонили головы. Сверкая золотистыми глазами, он кивнул собравшимся. Фэндрал одевался гораздо скромнее большинства ночных эльфов-друидов. Его торс был обнажен, не считая деревянных наплечников в форме звериных голов с сияющими глазами, руки до локтей защищали тканые перчатки без пальцев с окантовкой из дерева. Обувь Фэндрал не носил, демонстрируя таким образом свою связь с природой. Единственным знаком отличия был великолепный пояс с крупной рубиновой пряжкой и декоративным кольцом, украшенным резьбой. Килт из простой ткани был дополнен длинными отрезами древесной коры.

– Лес – это источник жизни нашего мира, – нараспев произнес Фэндрал.

– Лес – это источник жизни нашего мира, – повторил Бролл вместе с остальными друидами.

– Тельдрассил – это источник жизни нашего мира.

Друиды снова пропели слова хором, вторя своему лидеру.

– Я счастлив, что столь многие быстро откликнулись на мой зов, – продолжил верховный друид. – К сожалению, худшие опасения подтвердились. Тельдрассил болен...

Услышав это, друиды тревожно переглянулись.

На самом же деле слова Фэндрала никого не удивили, однако столь явное признание из уст верховного друида все равно повергло собравшихся в ужас. К созданию Тельдрассила приложили руку почти все друиды Азерота. Тем не менее, решение его вырастить всецело принадлежало нынешнему лидеру защитников природы, и именно он больше остальных заботился о благополучии могучего дерева.

Фэндрал Олений Шлем первым предложил посадить новое Мировое Дерево, однако Малфурион не раз ему в этом отказывал. И все же, несмотря на разногласия, верность Фэндрала общему делу не подлежала сомнению. Как только стало ясно, что с Малфурионом случилось нечто ужасное, Олений Шлем не остался в стороне и почти единогласно был избран новым лидером друидов. Своей главной задачей он считал спасение мудрого шан'до.

Самые опытные друиды Круга Кенария во главе с Фэндралом держали совет и решили, что безжизненное тело Малфуриона должно оставаться в обители под священной Лунной поляной. Так, благодаря энергии природы и неусыпному надзору Сестер Элуну, владевших тайными магическими знаниями, телесная оболочка верховного друида оставалась в добром здравии, не страдая от голода и жажды. Все это

вселяло в друидов надежду, что могущественный дух Малфуриона сможет вернуться в тело без посторонней помощи.

Однако Фэндрал не слишком на это рассчитывал. Круг Кенария изо всех сил стремился не просто поддерживать жизнь в теле шан'до, но и вернуть его дух. Впрочем, ни одна из попыток пока не увенчалась успехом. Защитники природы даже обратились за помощью к Изере, покровительнице Изумрудного Сна и великому Аспекту зеленых драконов, но и здесь не преуспели. Даже сама *Дремлющая*, как называли ее друиды, не сумела установить связь с Малфурионом.

Все это до недавнего времени держалось в тайне от народа ночных эльфов и даже большинства Сестер Элуну и друидов. Тем не менее у многих возникли вопросы, и Фэндрал против воли был вынужден рассказать о трудной ситуации хотя бы другим друидам, если не всему народу. Именно поэтому столь многие и пришли на этот срочный совет. Броллу казалась, будто все собравшиеся, как и он сам, теперь гадали, не собирается ли Фэндрал рассказать что-то о возможном спасении Малфуриона.

И все же болезнь Тельдрассила – не менее, а быть может, и более важная причина для столь срочного собрания. Мировое Древо представляло невероятную ценность для ночных эльфов, ведь изначальной целью его существования было возвращение бессмертия и бывшего могущества. Однако Фэндрал не раз говорил о том, что только благодаря магии Тельдрассила они смогут отыскать дух своего истинного ли-

дера и вызволить его из Изумрудного Сна.

«Но если Мировое Древо действительно подверглось порче...» – подумал Бролл и нахмурился. Оглянувшись, он увидел, что Хамуул и прочие друиды явно разделяют его опасения.

Фэндрал прошелся среди последователей, и его пронизательный взгляд на миг задержался на Бролле. Тот вновь устыдился своих неудач, хоть верховный друид вряд ли хотел об этом напомнить. Едва ли страшные воспоминания когда-нибудь перестанут терзать Бролла...

Фэндрал по-отечески улыбнулся.

– Однако не стоит впадать в отчаяние, друзья мои, – сказал он. – Я собрал вас не для того, чтобы говорить о плохом.

– Значит, есть еще надежда? – робко спросил один из друидов.

– И не только! – провозгласил Фэндрал. – Я собрал вас здесь, у корней Тельдрассила, чтобы рассказать, как вы можете помочь в исцелении Мирового Древа! – он ободряюще улыбнулся. – Как только Тельдрассил восстановится, мы сможем вернуться к первостепенной задаче – поискам Малфуриона Ярости Бури...

– Но как нам спасти Тельдрассил? – подал голос другой друид.

– С помощью одного артефакта, – верховный друид вытянул руку, в которой держал знакомый всем предмет. Увидев его, Бролл удивленно и испуганно выдохнул.

Фэндрал сжимал в ладони идол Ремула!

Название этого артефакта легко могло сбить с толку, ведь на самом деле он нисколько не напоминал того, чье имя носил. Украшавшую тотем фигуру зеленого дракона с разверстой в рыке пастью создал Хранитель Ремул, бессмертный сын Кенария, который имел не менее впечатляющую внешность, чем отец. Нижняя часть его тела завершалась крупом и ногами величественного оленя с массивными раздвоенными копытами, а верхняя – мощным торсом ночного эльфа-друида. Как и Кенарий, Ремул был наполовину лесным зверем, но на этом сходства отца и сына заканчивались. Вместо пальцев на левой руке Ремула были когти из дерева, а листья и мох заменяли ему волосы и бороду.

Ремул был хранителем Лунной поляны. Хоть бессмертный друид уже некоторое время и не появлялся на подобных советах, Бролл ожидал, что на этот раз он все же почтит их своим присутствием. По слухам, Ремул занимался поисками Малфуриона отдельно от остальных.

Ясно одно: сегодня Фэндрал принес идол вовсе не для того, чтобы любоваться его красотой. Этот мощный магический артефакт мог усилить заклинания друидов, и все бы хорошо, но однажды это уже привело к катастрофе.

Бролл не смог сдержаться и все-таки рискнул высказаться: – Верховный друид, при всем уважении, но... стоит ли прибегать к помощи идола?

Фэндрал смерил его суровым взглядом.

– Я понимаю твои опасения, добрый Бролл. Однако твоей вины в гибели Анессы нет. Ты сделал все, что мог, спас множество жизней и отразил нападение демонов!

Бролл, услышав это, изо всех сил старался не морщиться от стыда, понимая, что на самом деле Фэндрал всего лишь пытался его успокоить. Перед внутренним взором тут же возникло решительное лицо человека с темными волосами и глазами, в которых можно было прочесть столь сильную боль утраты, что перед ней меркли даже потери самого друида. Вариан Ринн был рядом в тот день, когда Бролл отправился к фурболгам, чтобы забрать тотем Ремула. К тому моменту их, бывших рабов и гладиаторов, уже связывала крепкая дружба. Вариан, потерявший память и даже не подозревавший о том, что его возвращения ждет целое королевство, без тени сомнения вызвался помочь друиду.

Отвернувшись от Бrolла, Фэндрал поднял идол и указал на Тельдрассил.

– Однажды нам удалось вырастить из крохотного семени удивительное, гигантское Мировое Древо! Это стоило огромных усилий, но мы были с лихвой вознаграждены, обретя новый дом, богатый источник пищи и воды, а также защиту от врагов.

Друиды согласно закивали. Бролл же обратил внимание на то, что Фэндрал не упомянул бессмертие, которое их народу до сих пор так и не удалось вернуть, даже несмотря на то, что Мировое Древо полностью выросло. Наверное, вер-

ховный друид счел эту тему слишком болезненной.

Между тем, Фэндрал направил идол на одного из ночных эльфов, стоявших ближе всего. Тот непроизвольно отшатнулся.

– Но, подарив нам столь многое, Тельдрассил оказался в уязвимом положении. Мы должны исцелить Мировое Древо от болезни! А взамен оно поможет отыскать путь к шан’до.

Энтузиазм Фэндрала распространился на всех друидов, и вскоре отовсюду послышались возгласы одобрения.

– Кошмар стремительно распространяется, захватывая Изумрудный Сон, – более спокойным тоном продолжил Фэндрал, выразив вслух опасения, терзавшие всех собравшихся. – От Изеры уже некоторое время нет известий, и потому, после нескольких безрассудных попыток, я запретил всем вам входить в Изумрудный Сон, – он оглядел собравшихся, будто ожидая, что кто-то дерзнет возразить, – ибо Малфурион наверняка не захотел бы, чтобы вы жертвовали ради него жизнями.

Фэндрал приложил руку к груди, а затем начертил в воздухе круг с двумя вертикальными изгибающимися полосами, символизирующими рога покровителя друидов. То был знак Круга Кенария.

После этого все друиды взялись за руки и стали готовиться к ритуалу. Бролл очистил разум от мирских забот, столь свойственных простым смертным, и погрузился в транс. Хамуул, стоявший рядом, сделал то же самое.

Фэндрал между тем развернулся к Тельдрассилу, прикоснулся свободной рукой к могучему стволу и провел пальцами по шершавой коре.

Друиды всем своим существом ощутили, как что-то пробудилось внутри Мирового Древа. Даже Бролл, полностью погрузившийся в транс, не мог не почувствовать присутствие могущественной силы – сам Тельдрассил тянулся к тем, кто помог его вырастить.

Мировое Древо представляло собой нечто большее, чем дом ночных эльфов. Оно было связано с самим Азеротом. Болезнь Тельдрассила отразится не только на окрестностях, но и на землях, которые лежат далеко за пределами острова. Порча поразит сам воздух и воды бурных морей. Что бы не случилось с Мировым Древом, это, по меньшей мере, нарушит баланс между природой, между жизнью и смертью.

Земля затряслась, но ни Бролл, ни остальные друиды не выказали страха и остались спокойными, даже когда под ногами зазмеились щупальца. Впрочем, называть их щупальцами неправильно. То были *корни* Тельдрассила. Они подобрались к каждому из друидов и, извиваясь, оторвались от земли, словно готовившиеся напасть змеи. Никто не сдвинулся с места. Все понимали, что Тельдрассил не желает зла, но лишь просит о помощи.

Особенно крупный корень обвился вокруг Фэндрала, тут же выпустив крохотные отростки. Они оплели тело ночного эльфа до половины, словно лоза.

Впечатляющее зрелище, но для друидов это был один из способов взаимодействия с природой Азерота. Крохотные, невидимые глазу усики проникали внутрь тел, и Мировое Древо таким образом соединялось со своим народом.

Фэндрал вытянул руку с зажатым в ней идолом Ремула. Теперь артефакт источал слабый зеленый свет, напрямую связанный с драконом, в форме которого вырезан и с которым был напрямую связан. Ни одна живая душа (даже сам Ремул), кроме Изеры, не знала, кто именно из рода зеленых драконов дал на это свое благословение. Ясно было лишь, что дракон этот обладал огромным могуществом.

Бролл, ощутив прикосновение магической силы к себе и корню Тельдрассила, забеспокоился. И все же вера в верховного друида взяла верх, подавив воспоминаниями о разрушительной силе оскверненного идола.

Магия наполняла разум и душу Бролла. Он стал *единым целым* с Тельдрассилом и испытал подлинную эйфорию. Корни Мирового Древа простирались так далеко и глубоко, что Броллу казалось, будто он может окинуть взглядом весь Азерот, выйдя за пределы острова и бескрайнего моря.

Но не успел он погрузиться в это состояние, как вдруг ощутил странный толчок и зарождавшуюся внутри слабость. В этот момент разум Бролла наполнили мысли Фэндрала, который уверял и его, и всех остальных, что ритуал абсолютно безопасен.

Друиды питали Мировое Древо, укрепляя его. Их воля и

желание спасти Тельдрассил были столь сильны, что Бролл поверил, будто им в самом деле удастся победить поразившую Тельдрассил хворь, а после, как и говорил верховный друид, получить помощь в поисках Малфуриона.

При первой же мысли о шан'до Бролл ощутил странную дисгармонию. Мысли наполнила тьма, а еще та же тревога, что и прежде, когда ему явилось видение Тельдрассила, охваченного чудовищной порчей. Бролл попытался изгнать неприятное чувство, но оно лишь нарастало.

– *Бролл Медвежья Шкура...* – позвал кто-то, и от бывшего спокойствия не осталось и следа. Какой знакомый голос! Быть может, это...

Связь с Тельдрассилом оборвалась так резко, что Бролл упал на одно колено, не в силах сделать вдох. Он смутно ощущал присутствие остальных друидов, в том числе и Хамуула. Был ли это его голос? Возможно, Хамуул вновь позвал Бролла по имени, прервав видение? Но нет, слишком уж мало это напоминало реальность, и любые воспоминания о том, как звучал голос, испарились.

Бролл чувствовал себя, как во сне. Сосредоточиться было трудно, разум ускользал во тьму...

Вдруг он ощутил прикосновение Хамуула к плечу. Бролл поднял взгляд. Его обступили друиды, в основном те, кого он считал друзьями.

– Я в порядке, – заверил их Бролл, пытаясь отдышаться. – Простите, что прервал ритуал...

– Ты не виноват, – чуть озадаченно произнес Наралекс, присев рядом. – Хамуул первым заметил, что с тобой что-то не так, и все, кто были поблизости, сразу же подошли, но ты никак не реагировал...

Наралекс и Хамуул помогли ему встать.

Лицо Бролла пылало от стыда.

– Я проявил слабость!

Связь с землей все еще была сильна, и, едва договорив, Бролл ощутил, что они больше не одни, кто-то стремительно приближался к месту собрания.

Бролл посмотрел на Фэндрала, замершего спиной к Тельдрассилу и смотревшего куда-то влево, на тропинку. Теперь стало ясно, что верховный друид прервал ритуал из-за появления чужаков.

Вновь прибывшие приблизились уверенным шагом и расфокусировались, защищая свою предводительницу. Этих ночных эльфиек никто не принял бы за друидов. Их облик сразу же выдавал принадлежность к религиозному ордену. На боку у каждой были закреплены пустые ножны, а на спинах – колчаны. Бролл догадался, что они разоружились из уважения к собравшимся друидам. Гибкие и грациозные, эльфийки явно превосходно владели не только самыми разными видами оружия, но и могли дать отпор в рукопашном бою.

Их было всего одиннадцать, лишь малая часть от общего количества жриц, и каждая облачилась в сверкающие длинные одежды серебристо-лунного цвета с одинаковыми длин-

ными украшениями из серебра, тянувшимися от груди до середины бедра, с круглыми голубыми камнями на концах. От талии наподобие ремня расходились изогнутые цепочки, скрепленные посередине. Просторные, струящиеся платья превосходно подходили для боя. Даже без луков и клинков эти эльфийки были готовы к битве.

Их предводительница быстро, не скрывая нетерпения, оглядела друидов, распростерла руки, и вдруг все вокруг озарилось светом одной из двух лун Азерота, самой крупной.

– Надеюсь, мы вас не побеспокоили? – вежливо уточнила Тиранда Шелест Ветра. – Насколько я знаю, совет Круга Кенария обычно проводится в другом месте.

– Мы всегда рады Сестрам Элуны, – откликнулся Фэндрал. – Нечасто совет друидов привлекает внимание верховной жрицы Луны и правительницы ночных эльфов.

– Не привлек бы и в этот раз, пусть вы и выбрали непривычное место, – сказала Тиранда. Ее лицо ожесточилось. Заметив это, Фэндрал нахмурился, а остальные заволновались, – если бы сама Элуна не открыла мне страшную правду.

Друиды зашептались, и Фэндрал жестом призвал их к тишине.

– О какой страшной правде ты говоришь, верховная жрица? – спросил он, все так же хмурясь.

Тиранда нервно сглотнула, выдав тем самым свою личную заинтересованность.

– Малфуриону *мирает*...

– Это невозможно! Мы лично позаботились о безопасности обители, и твои жрицы день и ночь следят за его телом. Нет причин предполагать худшее...

– И все же это так, – прервала его Тиранда. – Что-то изменилось. Малфурион умирает, и мы должны срочно действовать!

Бролл неожиданно вмешался, не дав Фэндралу ответить.

– Что нам делать, верховная жрица?

В голосе Тиранды звенела сталь:

– Для начала отправимся на Лунную поляну.

3

Древо

Боль снова и снова разрывала его изнутри.

Тело медленно, но неотвратимо претерпевало чудовищные изменения. Его руки, казалось, уже целую вечность были заломлены над головой, а пальцы – болезненно вытянуты в разных направлениях. Ноги давным-давно срослись, превратившись в толстый ствол дерева.

Сколько же он так простоял – скованный, недвижимый? Давно ли стал пленником Владыки Кошмара? Что в это время творилось в мире смертных?

И что случилось с Тирандой?

Малфурион Ярость Бури, как и множество раз до этого, превосмогал страшные муки. Будь у него рот, он бы кричал от невообразимого напряжения. Жестокий тюремщик оставил своей жертве лишь глаза, чтобы та беспомощно наблюдала за собственным преобразованием.

Ночного эльфа, носившего некогда имя Малфурион, больше не было. Он рассыпался в прах, превратился в ужасающее скелетообразное дерево. Руки и пальцы стали ветвями, усыпанные листьями с острыми шипами. Торс и бедра – стволом, изгибавшимся под неестественными углами, а ноги превратились в узловатые корни.

Пытаясь отвлечься от мучительной боли, Малфурион представил лицо Тиранды и вспомнил то мгновение, когда оба без слов осознали, что любят друг друга, и когда прекрасная эльфийка предпочла его честолюбивому Иллидану. Малфурион в тайне верил, что Тиранда выберет его брата, ведь, несмотря на безрассудство, тот добился огромных успехов в магии. Более того, после войны с Пылающим Легионом ночные эльфы, а порой и сам Малфурион, видели в Иллидане спасителя. И все же Тиранда, которая тогда была простой послушницей Элуны, разглядела нечто особенное в совсем еще юном и неопытном друиде. Он до сих пор не понимал, что именно.

Воспоминания о возлюбленной придали Малфуриону сил и в то же время пробудили чудовищное чувство вины. Это из-за него Тиранда осталась одна и много столетий оберегала Азерот от опасностей, пока сам он вместе с остальными друидами бродил тропами Изумрудного Сна. И вовсе неважно, что Малфурион сделал правильный выбор, пожертвовал собой ради спасения всего мира. Так или иначе, он бросил свою возлюбленную.

Верховному друиду хотелось взвыть от боли. Он не сомневался в искренности своих чувств, но, быть может, они все же неслучайно возникли именно теперь? Быть может, и к этому приложил руку Владыка Кошмара? Подобное уже случалось раньше. Коварный тюремщик множество раз проникал в разум Малфуриона, сеял хаос в его воспоминаниях

и мыслях. Пожалуй, вынести это было чуть проще, чем телесные муки чудовищного преобразования.

Почему же так больно? В Изумрудном Сне пребывал только дух Малфуриона, не физическая оболочка, и он не должен был испытывать такие страдания! Но тело вновь парализовало судорогой. И опять Малфурион не мог даже закричать, чтобы хоть как-то ослабить нескончаемую агонию.

– *Малфурион?*

Сквозь пелену боли прорвался знакомый голос. Малфурион ухватился за него, ища спасение. Голос был таким далеким, тихим, не громче шепота, но звучал так, будто...

– *Малфурион!*

«Это же... Тиранда! Ты... Тиранда! – беззвучно прокричал Малфурион. Если бы он только мог говорить! Тогда этот зов разнесся бы по всем бескрайним просторам Изумрудного Сна. – Тиранда!»

– *Малфурион!*

Голос стал громче. В душе Малфуриона зародилась надежда. Он знал Тиранду больше десяти тысяч лет, и любовь к ней за это время ничуть не ослабла. Да, она имела полное право возненавидеть Малфуриона за то, что он ушел, сделав выбор в пользу долга, но в итоге все равно пришла. Тиранда вновь доказала, что *ничто* не в силах их разлучить!

– *Малфурион!*

Голос приближался, как будто становясь осязаемым. Казалось, будто Тиранда действительно где-то рядом.

Вдруг впереди возникла призрачная фигура, и Малфурион ощутил, как боль постепенно утихает. Вглядываясь в приближающийся силуэт возлюбленной, он едва не дал волю слезам.

Сияние, окружавшее Тиранду, не было похоже на то, которое исходило от самого Малфуриона или друидов, путешествовавших по Изумрудному Сну. То был едва различимый серебристый свет, дар богини Элуны. Малфурион непременно бы улыбнулся, будь у него рот. Кто знает, как именно его возлюбленная сюда попала, но это и неважно, ведь она *здесь!*

Тиранда заговорила, но Малфурион не сразу услышал ее слова:

– Малфурион! Это... Это ты?

Он хотел было ответить, но вдруг все его тело сковал ужас от внезапной реакции Тиранды, которая вдруг отшатнулась с выражением омерзения на лице.

– Как... отвратительно! – воскликнула она и отступила еще на шаг, покачав головой.

«Тиранда! Тиранда!» – безмолвно зывал Малфурион, но ответа не было. Казалось, возлюбленная попросту не могла его услышать.

Она вытянула вперед руку, как будто пытаясь отгородиться.

– Нет, – пробормотала Тиранда. *– Я ожидала от тебя большего!*

Малфурион окончательно запутался в происходящем.

Ему хотелось вновь обратиться к возлюбленной, но вдруг позади нее возникла еще одна фигура, на этот раз огромная.

– *А ведь я предупреждал, любовь моя,* – раздался рокошующий голос. – *Ведь я говорил, что он не оправдает твоих надежд!*

Малфурион не мог вымолвить ни слова. Он знал этот голос, страшился его услышать. Еще одно напоминание о постигшей друида неудаче. Возможно, самой страшной из всех.

Фигура брата проступила четче. Впрочем, в нынешнем обличии он меньше всего напоминал близнеца Малфуриона.

Иллидан Ярость Бури превратился в настоящее чудовище, отвратительного демона. Его голову венчали огромные изогнутые рога наподобие бараньих, а из спины, у лопаток, росли кожистые крылья. Черты Иллидана исказились до неузнаваемости: челюсть резко выдавалась вперед, зубы превратились в клыки, скулы казались выше, чем раньше. Лицо обрамляли густые темно-синие волосы, а глаза скрывались под плотной повязкой. Еще во времена Войны Древних темный титан Саргерас выжег их в награду за то, что Иллидан стал слугой Пылающего Легиона. На месте глаз того, кто некогда был ночным эльфом, теперь зияли два провала, из которых вырывался демонический огонь. Дар Саргераса позволял Иллидану видеть не только окружающий мир, но и наполняющие его магические энергии.

– *О, Иллидан!* – ласково проговорила Тиранда, и мельком,

с неослабевающим отвращением взглянув на Малфуриона, добавила: – *Иллидан, только посмотри на него!*

Демон вышел вперед, сотрясая землю огромными копытами. Теперь он казался гораздо выше, чем прежде. Проти-востественно широкую грудь украшали магические татуировки, сиявшие зеленым, торс был обнажен, и из одежды на Иллидане остались только изрядно потрепанные штаны, которые он носил, еще будучи ночным эльфом.

– *Не стоит так волноваться, любовь моя,* – проговорил он. Слова с опозданием срывались с его губ.

А затем, к ужасу Малфуриона, брат обнял Тиранду могучей рукой, едва не впиваясь острыми, изогнутыми когтями ей в плечо. И, что еще хуже, ночная эльфийка не отстранилась, а напротив, расслабилась и успокоилась.

– *Не могу на это смотреть! Он оказался совсем не таким, как я думала!*

Иллидан взглянул на брата, подвергшегося влиянию Кошмара, и ухмыльнулся.

– *Тиранда, ты не виновата! Винить стоит только Малфуриона. Он бросил тебя – и меня тоже, – требовал беспрекословного подчинения, даже несмотря на то, что это привело к трагедии. Он получил по заслугам!*

«*Ложь!*» – беззвучно вскричал Малфурион, но его никто не услышал. Тиранда развернулась лицом к Иллидану и заключила его в страстные объятия.

– *Целые столетия прожиты впустую, и все из-за него!*

– горько воскликнула она. – *Он вечно заставлял меня ждать, ставил свои желания выше моих.*

Демон посмотрел на Тиранду и коснулся ее подбородка изогнутым когтем.

– *Я никогда бы так с тобой не поступил, любовь моя. Мы станем единым целым.*

Тиранда посмотрела в горящие зеленым глаза и улыбнулась:

– *Я согласна, любимый!*

Иллидан опустил когтистые руки ей на плечи. Его глаза загорелись еще ярче, выпустив струю пламени, которое охватило Тиранду. Малфурион закричал, но, как и прежде, никто не обратил на него внимания. Верховная жрица Элуну вспыхнула, словно факел, а потом... Начала *преображаться*.

Из ее лба выросли крупные, изогнутые рога, на спине возникли два бугорка, которые быстро превратились в распахнутые перепончатые крылья. Ногти на изящных руках, которые удерживал Иллидан, почернели и удлинились.

«*Нет!* – вновь возопил Малфурион. – *Нет!*»

Тиранда развернулась и посмотрела на него ужасными глазами, в которых теперь тоже горело зеленое пламя. Осознав бессилие своего бывшего возлюбленного, она лишь нахмурилась.

– *Это ты виноват,* – произнесла Тиранда. – *Ты...*

Верховный друид безмолвно закричал и... проснулся.

Он по-прежнему пребывал в обличии духа, болезненно

скованный в неестественной позе. Оказалось, что невыносимая боль, разрывавшая сердце на куски, была лишь плодом воображения. Во всяком случае, пока.

Эта мысль не принесла Малфуриону успокоения. Ему и раньше снились подобные кошмары. С каждым разом становилось все труднее различить грань между сном и бодрствованием. Владыка Кошмара вел жестокую игру, и верховный друид медленно, но верно проигрывал.

Обыкновенный кошмар лишил Малфуриона сил и оставил в его душе неприятный осадок.

«Тиранда... – подумал Малфурион. – Прости меня».

– Кто знает, быть может, теперь она даже о тебе и не вспоминает, – предположил новый голос, зазвучавший у него в голове. *– Прошло так много времени. Слишком уж часто ты ее бросал, вынуждая принять ответственность за судьбу целого народа. Прятался от всего мира и пренебрегал обязанностями.*

Малфурион попытался потряхнуть головой. Вот только головы у него теперь не было!

Голос зазвучал вновь, и каждое слово было подобно укусу ядовитой змеи:

– Ты бросил ее так же, как своего брата, которого довел до предательства, заточил в темнице и обрек на вечные муки.

Иллидан... Малфурион отчаянно пытался спасти своего брата-близнеца, но тот поддался честолюбию и, в конце кон-

цов, стал неотличим от зла, с которым боролся. Превратился в демона. Если бы Малфурион с самого начала вел себя по-другому, пытался помочь вместо того, чтобы заключать в темницу... Возможно, тогда Иллидана удалось бы спасти.

«Нет!» – подумал скованный верховный друид. – Я пытался помочь! Снова и снова приходил в темницу, надеясь, что сумею убедить его выбрать другой путь. Но у меня ничего не получилось, как и всегда... Я подвел самого себя и из-за этого обреку на чудовищную участь весь Азерот».

В глубинах Изумрудного Сна, превратившегося в Кошмар, создание, которое некогда было Малфурионом Яростью Бури, вновь изменилось. Ярко-зеленое сияние, окружавшее все души, попавшие в Изумрудный Сон, потемнело и сменилось зловещим зеленоватым светом.

Тьма окутывала верховного друида, и в воздухе ощущалось незримое присутствие отвратительного существа, называвшего себя Владыкой Кошмара. Из мрака к телу Малфуриона тянулось множество щупальцев. Они не просто меняли его облик, но пытались проникнуть в разум. Верховный друид страдал от невыносимой боли, корчился в агонии и медленно, но неотвратно, превращался в дерево...

Обитель Малфуриона выглядела точно так же, как в видении, и ничуть не изменилась с того раза, как Тиранда Шелест Ветра последний раз здесь бывала. Обстановка этого места мало говорила о его хозяине. Обитель состояла из множе-

ства подземных проходов, в которые не проникало ни единого солнечного луча. Но ночные эльфы привыкли жить во тьме и, кроме того, прекрасно владели магией. В главном зале не было ни одного масляного светильника, но благодаря усердным молитвам Сестер здесь всегда светила луна.

Верховный друид, казалось, просто спал, и в каком-то смысле это действительно было так. Разве что открытые глаза сбивали с толку.

Жрицы, заботившиеся о теле, расступились, и вновь прибывшие один за другим подходили к ложу. Друиды преклоняли колени перед своим учителем, а Сестры Элуны ограничивались поклонами. Бролл не мог отделаться от мысли, что все это больше напоминало похороны или прощание семьи с умирающим. Вслух он, конечно, ничего не сказал, хотя бы из уважения к возлюбленной Малфуриона.

Когда очередь дошла до верховной жрицы, та склонилась так низко, что сперва показалось, будто она хотела поцеловать безжизненное тело. Большинство присутствующих это едва ли удивило бы. Однако в последний момент Тиранда отстранилась и лишь легко прикоснулась ко лбу Малфуриона.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.